

Человек интересовал древнегреческих философов с разных сторон – кому-то он был интересен как познающий субъект, кто-то пытался понять мотивацию его практической деятельности, кого-то привлекало содержание его мышления, кто-то увлекся разработкой приемов ведения беседы и т. п. Чем бы они ни занимались, они были повернуты лицом к человеку, исследовали последние основания индивидуальной человеческой жизни и реализовывали собственные представления об оных в своей практической деятельности. При этом преимущественное значение они придавали знаниям, связанным с сознательной человеческой деятельностью. Знания, связанные с человеческими проблемами могут быть использованы каждым здесь и теперь и отличаются высокой степенью достоверности (поскольку легко проверяются на практике). Человек может управлять общественными процессами, изменять цепь общественных событий либо же управлять собственным поведением, изменять собственное умозрение, настроение или отношение к данным событиям. Человек – существо целесообразно действующее. И если он управляет своим поведением или социальными процессами, то делает это посредством определения тех или иных целей и выбора правильных способов их достижения. Он стремится к каким-то целям и в зависимости от достижения или не достижения этих целей чувствует себя счастливым или несчастным. Важно при этом, чтобы цели и средства приносили пользу, а это зависит от того, насколько верно человек определит свою цель (например, правильно оценит предмет стремления в качестве достойного), выявит природу объекта своего стремления и подберет соответствующие природе этого объекта (цели) средства. Умение правильно выбирать достойную стремления (полезную) цель и успешно ее достигать называли добродетелью. При наличии в обществе разделения труда совсем не обязательно каждому человеку совершенствоваться во всех сферах деятельности, необходимых для нормальной организации жизненного процесса: какую-то работу можно передать специалистам. Но есть область, в которой каждый человек является участником. Речь идет о взаимоотношении людей друг с другом. Древнегреческое слово «добродетель», взятое в самом широком смысле, означает «совершенство», «добротность», что-то вроде «наилучшего выполнения какой-то функции», «наилучшего достижения какой-то цели». Добродетель – это характеристика дела, которой дело обладает в том случае, если делается то, что считается добром. По мысли софиста Горгия, высказанной им в «Похвале Елене», выходило, что добродетель – это характеристика дела, украшение ему. Сократ связывал добродетель с рассудительностью, придающей всякому делу черты совершенства, о чем свидетельствует платоновский диалог «Менон». Центральной для сократовской философии стала тема добра как целевой формы причинности и добродетели как формы активности, целесообразно направленной на достижение добра. Человеческая деятельность целесообразна, это очевидно; любая целесообразность предполагает цель и

средства, пригодные для ее достижения. Целью человеческой деятельности, по мысли Сократа, является добро. В сократовской философии оно является одним из центральных понятий, придающим смысл многим другим понятиям. К сожалению, оно не рассматривается Сократом детально и ясно, и о нем можно сказать, что оно суть то, что обуславливает наилучшее и наивысшее из всех возможных, вытекающих из природы данной вещи состояний. Оно созидательно, тогда как зло разрушительно. Хотя сущность добра и едина, проявление его многообразно: для каждой вещи или существа добром является что-то особенное, относительное, и идущее на благо одному, вполне может оказаться злом для другого. В связи с этим не будет лишним основание предположение о том, что существенной чертой добра как такового, в понимании Сократа, была полезность. Высшее добро — это полезность для более высокой природы в сравнении с природой более низкой: к примеру, высшим благом для человека является скорее то, что полезно больше для души, чем для тела, а значит, благом для человека скорее всего следует считать разум и знание. С понятием добра тесно смыкается понятие прекрасного, означающего «хороший», «удобный», «целесообразный», «выгодный», в конечном счете — очень близкий к полезному. Поэтому благое всегда прекрасно, а прекрасное благостно. И не важно, что та или иная вещь может не удовлетворять изысканному эстетическому вкусу, лишь бы она хорошо выполняла те функции, ради которых и была создана. С точки зрения Сократа корзина для перевозки навоза вполне может быть названа прекрасной если она хорошо выполняет свои основные задачи и, наоборот, золотой щит может быть предметом безобразным, если им неудобно защищаться во время боя. Добро как целевая причина имеет смысл лишь в том случае, если к нему кто-то или что-то стремится. Деятельность или душевное состояние, которые способны творить добро, есть добродетель. Добродетелями он считал справедливость, мужество, рассудительность, благочестие, мудрость, умеренность, воздержание и т.п. Высшей же добродетелью для человека, добродетелью как таковой, безотносительной, сущностью человеческой добродетели вообще он считал разумное знание, сближая его с отвлеченным мышлением. Та или иная способность души, взятая сама по себе, нейтральна к добру и злу и вполне может служить как тому, так и иному. И только при соединении данной способности со знанием, она становится, по мысли Сократа, действительно добродетелью; без такого соединения эта способность, скорее, порождает зло, чем добро. Смелость, к примеру, лишь с опорой на знание того, как вести себя в той или иной опасной ситуации, превращается в мужество, а без знания оно делается слепым исступлением и способно, пожалуй, больше принести вреда, чем пользы. Платон находит, что более всего достойна жизнь смешанная, состоящая из удовольствия и ума, соединенного с разумением. Благо для человека коренится в жизни разумно-эмоциональной. Чистый разум хотя и не может

рассматриваться как благо, но зато он есть причина блага, поскольку способен вносить меру в наслаждения и дифференцировать их. Удовольствия, по мысли Платона, не имеют своего блага, поэтому они беспредельны, в силу чего роль причины блага для души выполняет знание. Знающий, какова должна быть мера, может поступать в соответствии с ней; не знающий же, даже если и захочет действовать сообразно мере, не сможет этого сделать, разве что лишь случайно. Знающий, что такое истинная справедливость, способен к справедливому поступку; не знающий может лишь случайно поступить справедливо, но чаще его справедливость превращается в несправедливость. Подобным же образом дело обстоит и с остальными признаками блага и множеством других вещей, могущих выступать в роли блага. Богатство, сила и прочие блага не являются таковыми сами по себе. Они суть блага и приносят пользу, если только руководствоваться разумом и мудростью. А если же человек, располагающий ими, руководствуется невежеством они зло, причем даже большее зло, чем вещи противоположные. Следовательно, из всех остальных вещей ничто не есть ни добро, ни зло, благо лишь мудрость (в том смысле, что он есть причина блага для человека), а зло -невежество. Действия, удовлетворяющие вышеназванным критериям и создающие для человека что-то доброе (благое), Платон называет добродетельными. Входящие в состав души способности слишком не похожи друг на друга, имеют различные сферы и границы применения, свои собственные цели и задачи, а также соответствующие им способы их достижения. В силу этого каждая из данных способностей имеет сообразные именно ее природе эталонные формы деятельности (т.е. добродетели). Добродетелью разума, долженствующей главенствовать в нас способностью, признается мудрость. Мудрость, знание есть единый корень всех прочих добродетелей, из которого они вырастают, она их сущность, их идея. Знание представляет собой добродетель по преимуществу, без которой все прежние добродетели лишаются устойчивости, однозначности и строгости (и потому могут легко перейти в свою противоположность). Мудрым считается такой человек, в котором господствует и управляет разумная часть души, знающая, что и в какой мере пригодно и каждому отдельному началу, составляющему душу, и всей их совокупности. Любая деятельность совершается ради какой-то цели ради блага. Определенный уровень совершенства деятельности, достаточный для создания блага, добра, есть добродетель (ведь любое дело можно совершать хорошо или плохо и тем самым либо создавать что-то хорошее, либо же нет; а создание хорошего есть добродетель). Добродетель это критерий правильности и полноты деятельности, некий ее эталон, мера совершенства. Кроме того, всякая добродетель делает хорошим и то, в чем она проявляет себя. Если мы живем благодаря душе, а добродетель делает хорошим то, в чем она себя проявляет, значит, благодаря добродетели души мы сможем жить хорошо. А хорошей жизнью и благополучием зовут счастливую жизнь.

Поэтому жить счастливо, по Аристотелю, можно только живя добродетельно. В этом цель, счастье и высшее благо. В этом и удовольствие. Ведь жизнь тех людей, которые совершают правильные поступки, не нуждается в удовольствиях, словно в каком-то приукрашивании и каком-то внешнем дополнении, но содержит удовольствие в себе самой; ведь каждому то в удовольствие, говорит Аристотель, что он любит. Скажем, любителю коней конь, любителю зрелищ зрелища, любящему правосудное правосудное, любящему добродетель все, что сообразно добродетели. Если это так, то человеческое благо следует искать в деятельности, осуществляемой сообразно добродетели, а если добродетелей несколько то сообразно наилучшей, наиболее полной и совершенной. Вполне оправданно Стагирит предполагает, что добродетельными могут быть только те части души, которые так или иначе присущи мыслительной ее способности (способности суждения, в терминологии Аристотеля). С этой точки зрения, растительная часть души вообще не имеет какой-либо доли в человеческой добродетели, поскольку никак не связана с мышлением и сознательностью и не подвержена влиянию. Зато другая внеразумная часть души подвластная влечению и вообще стремящаяся хотя и не является источником мышления, в некотором смысле все же ему причастна, поскольку она в или иной степени послушна суждению и повинуетя ему. Мысль, следовательно, по предположению Аристотеля, имеет власть не только в своей собственной сфере, но простирает ее до некоторой степени и в сферу внеразумной части души. Столь значительное место мысли в добродетельной жизни человека давало основание некоторым философам, прежде всего Сократу, полагать, что сущность добродетели состоит как раз в рассудительности, а все добродетели это только виды рассудительности. Аристотелю это соображение казалось ошибочным, хотя он и не возражал против того, что добродетель невозможна без рассудительности. Однако переоценивать мысль и недооценивать вклад стремительной части души в формирование добродетели было бы, с его точки зрения, неверно. Человеку, по мысли Аристотеля, уже от природы присуще бессознательное стремление к добродетели, причем не в форме рассуждения, а в виде какой-то естественной склонности. У каждого, например, есть тяга без рассуждения к чему-то смелому или правому, да и любая другая добродетель предполагает такую же тягу. Правда, природная склонность, предоставленная сама себе и причастная рассуждению, не только не полезна, но в большинстве случаев и откровенно вредна. При этом чем сильнее природная тяга и чем меньше она связана с размышлением, тем больше от нее бывает вреда. Совсем другое дело, если такая тяга сопряжена с рассуждением и сознательным выбором; единство с последними увеличивает достоинства добродетели и делает ее совершенной. Лишь при взаимодействии природной тяги с разумной деятельностью они многократно усиливают и развивают друг с друга. Природный порыв к

добродетели содействует укреплению разумной добродетели, но сам без помощи ума не может перейти из возможности в действительность и стать добродетелью. С другой стороны, без природного порыва рассуждение и свободный выбор не достигают состояния совершенной добродетели. Только из синтеза неосознанного стремления (душевного склада) и осознанной разумности формируется действительная добродетель, когда верно направленный ум согласуется с движениями чувств, а движения чувств согласны с умом. В этом случае ум и чувства придут в соответствие друг с другом, так что уму станет свойственно всегда приказывать лучшее, а верно направленным чувствам легко выполнять все, что бы ни приказал им ум. Повторение одинаковых поступков закрепляет природное стремление, переводит его в состояние привычки и тем самым порождает соответствующие нравственные устои. Вообще говоря, отличие аристотелевской трактовки природы этических добродетелей от платоновской или сократовской весьма радикально. Аристотель не только не абсолютизировал роли способности мышления, но даже несколько принижал ее в сравнении с природными порывами. С его точки зрения, не ум есть начало и руководитель добродетели, а, скорее, движение чувств. Сначала должен возникнуть какой-то неосмысленный порыв к прекрасному, а затем уже ум произносит приговор и судит. Все это можно наблюдать у детей и животных: у них вначале без участия ума возникают порывы чувств к прекрасному, и потом уж ум, соглашаясь с ними, помогает совершать прекрасные дела. Но не так обстоит дело, когда стремление к прекрасному берет свое начало только в уме: не подготовленные или вообще не имеющие склонности к добродетели чувства могут не следовать за ним в полном согласии.